

84(2-411.2)6-4

Н16

СА-389056

Ф а р и д Н а г и м

з е м н ы е

О Д Е Ж Д Ы

Фарид Нагим

са-389056

ЗЕМНЫЕ ОДЕЖДЫ

ФОНД
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
ПРОГРАММ

Москва
2012

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

кр.

мальчики под шаром

Повесть

Вася

Впереди меня пара – девушка и парень. Я медленно еду за ними на велике и люблюсь девушкой. Зная, что никто на меня не смотрит, я вглядываюсь в нее пристально, точно желая украсть ее прелесть и спрятать в своем эротическом сейфе. Просторное платье словно бы стоит на месте, а под ним упруго и умилительно двигается маленькое энергичное тело.

Я смеюсь про себя, набираю скорость и нежно хлопаю ее по упругой половинке. Она вскрикивает. А парень, удивительно быстро сообразив, гонится за мной. Мне мешают плинтусы, которые я везу с Лосиноостровского строительного рынка, велосипед виляет, и я вместе с гремящими планками валюсь на асфальт. Парень хочет сделать что-то резкое, но, даже разгоряченный бегом, он успевает оценить мои крупные волосатые кулаки.

– Прости, прости, блин! – Я со смехом отстраняюсь ладонью. – Девушка, вы тоже простите меня, а? Я больше так не буду...

Девушка отворачивается. Я вижу, что ей смешно.

– Пошли отсюда. – Она тянет своего парня за руку.

– Козел! – говорит парень и с бравым испугом шлепает кулаком по своей ладони.

Я поднимаюсь и, снова обгоняя их, кричу: “Ну очень красивая задница!”

Сворачиваю к этой странной, всегда заброшенной стороне дома, той, что без детской площадки, вычисляю окна Гены с Виталиком и ору:

– Виталик! Ге-ен! Виталик!.. Давайте забухаем!

На самом деле я не хотел пить. Но такое настроение, и надо было закричать что-то смешное, может быть, отзовутся. Или это “алкоголическая” сторона дома виновата?

– Эй, мудаки! – быстро крикнул я.

Наверное, я подражал поведению какого-нибудь кинематографического героя. Это было утро буднего дня. Но я не работаю. Я работал в этой жизни только полтора года на Аппаратном заводе, когда мне было семнадцать лет. С тех пор я только подрабатываю.

Настроение у меня тревожное, растерянное, мне плохо и потому даже весело.

– Эй, мудаки! – весело и бесстрашно заорал я.

Они не обидятся, потому что мы все мудаки недоделанные – я, Виталик, Гена, все, кого я знаю. А знаю почему-то одних мудаков. У меня нет успешных знакомых. Мне сорок лет, но в это никто не верит, все смеются недоверчиво или завистливо. Я молод, я не взрослею, как не взрослеют те, кто ничего серьезного не делает, кто не страдает и кладет на все.

Как сейчас вижу себя, орущего под стенами старой советской многоэтажки. Чувствую всю истерическую фальшь своего веселья. Я веселился тогда, потому что все еще верил в себя, в свою судьбу, в то, что сделаю что-то хорошее. Верил, что изменится что-то. Но ничего не изменилось, даже страшно, ведь это и есть реальная жизнь, когда ничего не меняется до самой смерти. А главное, что уже и не хочется. Зачем?

Виталик

Я смотрю на черно-белое фото Виталика на кубинском пляже. Видимо, недавно прошел шторм, пляж завален водорослями, и люди выложили из них диваны. Ему лет

двенадцать, за его спиной по серебряной кромке океана бегут две неказистые кубинки. Виталик пытается удержать на голове мяч, а кажется, что он чувствует на голове всю свою будущую жизнь – лицо грустное, и руки вскинуты с недоумением. И с трудом верится, что пляж залит ярчайшим солнцем. Украдкой поводя глазами, я пытаюсь соотнести этого стройного, сосредоточенного мальчика с тем, что из него стало, – съехавшая набок половина лица, сутулая, разваливающаяся фигура с длинными руками, шаркающие, загребающие ноги, причем всегда кажется, что одна из них короче. Есть девочка на шаре, а это мальчик под шаром. Детские фотографии нашего поколения черно-белые, со всеми оттенками серого, или ржаво-желтые, размытые, будто их опалило атомной вспышкой, с полосами, “светлячками” и “призраками”. Мы на них застенчивые, будто бы прищурившиеся на ярком солнце, или слишком бравые, надувшиеся. Вообще вид у нас жалкий и несколько потусторонний, такой, что кажется, если на эти фото посмотрят ясновидящие – они покачают головой и скажут: знаете, все эти люди давно уже умерли.

Виталик и Гена вместе снимают квартиру, они творческие люди. Мы все живем на улице Начальной, и это смешно, потому что мы в глубоком конце, уже становится ясно, что все, финиш. Нам бы жить в Последнем переулке, есть такой в Москве, или на Безысходной горке. За окнами наших домов от Лосиноостровской до станции Лось бесконечно шумят электрички, ночью пролетают быстрые, яркие кинокадры дальних поездов.

С Юльдосом я познакомился в “Олл райте”, где подрабатывал три года, пока меня не уволили, что легко было сделать: я тогда жил без регистрации и работал без трудовой книжки, хуже гастарбайтера, короче. А Юльдос гордо и неприступно раскатывала на роликах от кассира к кассиру и, казалось, никто ее не догонит. А я изображал, будто гонюсь за ней на лыжах. Вся наша смена хохотала, а она не видела, какой я клоун. Когда я первый раз поехал провожать Юльдосу домой, то с мистическим удивлением по-

нял, что мы едем к Виталику-Гене, у которых я иногда ночевал, если не успевал на электричку – окна ее квартиры сквозь деревья смотрели на их “съемные” окна. А она родилась в этом районе и, наверное, проживет жизнь. В 751-ю обычную московскую школу, в которой Юльдос училась, приезжала леди Диана, привозила инвалидные коляски в Фонд инвалидов. У Юльдоса есть общее фото, и она во втором ряду, за три человека от головы Дианы.

Когда Виталик хочет соблазнить девушку, он пьет с ней мохито. Одно время он жил с родителями на Кубе, наверное, оттуда любовь к таким напиткам. Он и вправду очень милый в тот момент, когда готовит мохито из лично купленных ингредиентов. Займет денег и делает мохито, а девушка, сжав ладони коленями, смотрит на него с немного ироничным девичьим любопытством и ожиданием.

Виталик несколько раз пытался покончить самоубийством. Кожа на его запястьях уже глянцевая от сросшихся рубцов. Но его здоровое тело все-таки хочет жить, а в голове нет ни толики безумия, необходимой для удачного эксперимента.

Он учился в Харьковском художественном училище. И я догадываюсь, что он берет девушек еще и тем, что предлагает нарисовать их обнаженными. Иногда, в самые тяжелые времена, он подрабатывает на Арбате, рисует по заказу с фотографий и портреты с натуры.

Он умеет делать ремонт, и я научился у него, иногда мы подрабатываем на ремонтах.

Вот мы на эскалаторе с большими рюкзаками, в которых перфоратор, миксер, шпатели и по пять килограмм ротбанда. Вниз едут девушки, одна красивее другой. Порой кажется, что гламурные журналы все же каким-то образом проецируются на них и улучшают породу. Так пронзает женская красота, что стискиваешь челюсти и чуть ли не зубами скрипишь.

– Виталик, я болен.

Он смотрит на меня вопросительно.

– Я – эротоман. Это не шутка.

– Простатит – лучший доктор.

– Тьфу-тьфу...

Мы штукатурили потолок у одного парня, гораздо моложе нас, лет на десять, – но он купил квартиру на “Октябрьском поле”, трехкомнатную. У него жена, которую он отбил у какого-то крутого англичанина, и у него есть любовница, и самое удивительное, что у него вообще нет правой руки, которую он потерял в юности, выпав зимой из окна на пьяной вечеринке. Но лично я ему не завидовал. Я стоял перепачканный ветошью в центре серой бетонной коробки и не завидовал ему. Неужели только это, думал тогда я, – только эта собственная квартира, жена, дети, машина, любовница? Неужели только это – и все? Нет, я хотел чего-то другого и верил в это.

– Вась, – Виталик гулко окликнул меня.

– Что? – Я прошел в другую комнату. – Ты звал?

– Здесь запах такой.

– Сырости.

– Да. Ты пробовал грибы?

– Галлюциногенные? – понял я.

Он задумчиво кивнул головой.

– Ты что, все никак Кастанеду забыть не можешь?

– А я его и не читал никогда, у меня и так голова дырявая. Дротиком пробили. Помнишь, мода была на дартс?

– Вот сделаем потолок и выпьем в “Кружке”, чтоб не заморачиваться.

– Я не заморачиваюсь.

– Ты – замороченный.

– Скоро и ты будешь такой же, родится ребенок, а-а, крик, пеленки на компьютере...

Я скрытно стучу пальцами по подоконнику и сплевываю. Виталик завистливый. Одна половина его лица добрая, а другая вся прищуренная и сплюснутая, даже уголок губ презрительно слипшийся, сползший вниз.

Когда-то, лет десять назад, он прославился сборником рассказов из своего советского харьковского детства и даже получил громкую премию. Потом долгое время безуспеш-

но и даже с ущербом для себя занимался кинематографом, писал сценарии, жил в эйфории, потом съемки срывались, и все начиналось заново. Сейчас он пишет роман. Словно одержимый, он бросил все в эту топку, даже взял кредит, надеясь на будущий огромный гонорар. Верит, что этот роман перевернет мир и его жизнь – в ней появятся экзотические страны, эротические девушки, вспышки фотоаппаратов, кокаиновые вечеринки и что-то еще, вдохновенное, захватывающее дух и расцвеченное огнями, рассветами, салютами. Виталик в эйфорическом состоянии творчества, это я понял, когда он вдруг бросил прекрасную работу в журнале “НЕФТЬ&ГАЗ” и полетел писать одну из глав в Египет. И это еще не самое страшное, на что он способен ради романа, в успех которого верит истово. Говорит, будто ему даже пригрезилось, что если закончит писать этот роман, то поверит в Бога. Я со страхом жду рукописи, лет пять уже, кстати. Конечно, все получится... ну а если нет – этого он точно не переживет.

– Как твой роман, Виталиус? Скоро будешь автографы раздавать?

Недобрая половинка лица иронически морщится, мол, я оценил твою иронию.

Краем глаза вижу, что он скрытно тьфукает и стучит пальцами по подоконнику, чтобы не сглазить.

Он уместит сделать ремонт, и я научил...
Гена

Вот мы на скала горы с бол...
Гена добрее Виталика, но с ним не так интересно, он запойный. Вернее вот как: я уже давно заметил для себя, что настоящая дружба между мужчинами подразумевает под собой любовное притяжение. У них, конечно, и в мыслях нет ничего такого, но в подсознании... Короче говоря, в моем подсознании нет любовной тяги к Генке, но он безотказно дает в долг, я ему должен уже тринадцать тысяч рублей. Он слышал, как я орал там внизу: “Эй, мудаки, давайте забухаем”!

Потом я поднялся вместе с великом в лифте и позвонил. Было слышно, как он пытается встать с тахты, что-то грохнуло. Он подошел к двери, и я слышал его пьяное и размазанное лицо с тяжким дыханием в пяти сантиметрах от своего лица. Он дошел до двери на автопилоте, а что делать дальше, не знал.

– Дверь, Ген! Открой дверь.

Он долго стонал, ушел и снова вернулся, замер у двери. Громко сопел. Какой там забухаем! Он стоял, приткнувшись к двери, и скреб ее ногтями.

Вот что он расскажет потом: “Я даже встал с дивана и при этом нечаянно сбил на пол телевизор. Я хотел открыть дверь, но не мог найти ключи. Я и не пытался их найти – это бесполезно. Пятьсот рублей потерял. Я же их вот сюда положил вместе с мобильником. Мобильник тоже потерял. А кто у меня вчера был? Слесарь был в прошлый раз, когда выламывали дверь. Да, вот она – новая стальная дверь, которую я не смогу открыть. Старую я бы сразу открыл. Она только снаружи хорошо закрывалась... Кто же у меня был? Хуже нет напиваться в одиночестве, и слаще ничего нет тревожной сладости конца. Потом пять тысяч нашел. Неужели, думаю, в нычку залазил? Кто же у меня был? Хорошо, вот пять тысяч. И это самое хреновое, потому что я все равно не смогу открыть дверь, не смогу купить водки.

– Вася, я же тебе оставлял ключи на такой случай!

И ты меня не понимаешь, типа, я неразборчиво говорю. А я же разборчиво говорю.

А самое смешное, это с чего я начал пить. Мы с другом хотели стать кагэбэшниками и сильно экспериментировали с напитками, проверяя, сможем ли мы сохранить трезвость ума, когда нас захотят сподить враги... Враги сподили меня. Вначале была эйфория, и после пьяной ночи я чувствовал себя еще свежее и здоровее. Потом одно время я пил, чтобы долго не кончать с девушками, я перевозбуждался и кончал сразу, едва прикоснувшись к ним. Потом мне стало нравиться состояние опьянения, и люди вокруг находили меня прикольным. Потом появилось похмелье,

и я стал похмеляться и всё никак не мог опохмелиться, это... Короче, Вась, я, когда трезвый – сценарист, я люблю краткость, ты сам знаешь – что дальше, хер ли говорить”.

Гена окончил Свердловский театральный институт, по специальности актер. Он мог бы играть стахановцев или добрых комиссаров. У него компьютер забит странными и захватывающими историями. Мне нравится сценарий о том, как бизнесмен, которого подставили друзья, постепенно превращается в бомжа и находит в этом счастье – роет землянку в лесу, создает новую семью и объединяет вокруг себя брошенных и загубленных людей. Он рассказывает поразительные, новые какие-то факты из казачьей жизни на окраинах Российской империи, вообще об истории России... Но ни одна его заявка не приобретена, его личное высокохудожественное творчество никому не интересно. Его проплачивают и обливают шоколадом за искусственную жизнь. А за настоящую жизнь уморят голодом. Ему платят баксы за дерьмо, а за сокровенную жемчужину, что мерцает в нем, не дадут ни копейки. Домохозяйкам нужно только мыло. Домохозяйки сгубили наше кино. Компания, в которой подрабатывает Гена, покупает американский ситком, текст переводят на русский, а они его адаптируют, потом эту адаптацию переводят на английский и отсылают в Америку, там вносятся неподсудные правки, беспрекословно удаляются неподходящие на их взгляд сценаристы, и так с каждой серией. Гена опускается, когда пишет сериалы для денег, – не моется, не стрижется и не бреется месяцами. А с запоем возрождается для новой жизни. Он водкой смывает с души эту хрень, встряхивает засранные мозги и выbleвывает в унитаз весь этот ужас. Возрождается до тех пор, пока еще можно терпеть боль в поджелудочной железе.

Одно время Гена даже был стафф-райтером.

Жизя

Жизя, сокращение от Жискара – так его назвала мама, которой очень нравился молодой французский президент

Жискар д'Эстен, причем Жизика больше всего удручает, что это фамилия, а имя президента обычное – Валери. Кажется, что он навсегда попал в зависимость от экзотического своего имени, даже фигура у него сложена так, будто он пребывает в болезненном недоумении и ждет от людей насмешек.

– Ты знаешь, он жив до сих пор.

– Кто?

– Валери Жискар д'Эстен.

– А ты что, следишь за его судьбой? – смеюсь я.

– Нет, зачем-то набираю в поисковиках имя Жискар. Он даже написал пошлейший любовный роман недавно, прикинь? Типа, “Принцесса и президент”.

Самое сильное желание у Жизи – поехать на океаническую рыбалку или в Казахстан, на Урал. Я смотрю на этого невысокого лысого мужчину, двоюродного брата моей жены, а вижу мальчика с удочкой и пустым садком. Москвич с квартирой, технарь, компьютерщик, автолюбитель – он такой же неудачник, как и все мы. Жискар служил под Челябинском и там от радиации облысел. Продолжать учебу в Бауманке он не стал, а вместе со всей страной кинулся в торговлю. Имел в Лужниках свой контейнер. У Юльдо-са до сих пор лежит на антресолях мешок с турецкими слаксами на трех защипах и с ремнями из дерматина, сохранились даже ценники – один миллион пятьсот рублей. Потом он играл на бирже, кончилось тем, что пришлось продать квартиру бабушки. После этого, набрав кредитов, один из которых до сих пор висит на Юльдосе, он открыл фирму по продаже ноутбуков на Горбушке. Даже я купил у него подержанный крепчайший IBM из титаномагниевого сплава. Но в начале нулевых у него при странных обстоятельствах исчез роскошный “авдей”. Возможно, он сам отдал его кому-то, и с этого момента начался крах. Однажды у него вырвалось, все дело в том, что он возгордился и не поладил с фээсбэшной крышей. Теперь он только “бомбила”, конкурент шахид-такси и преданный слушатель радио “Эхо Москвы”. Работу он ищет уже десять лет. Но

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста Данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 61-60-26